

II.

Длятся часы, міровое несущіе.
Ширятся звуки, движеніе и свѣтъ.
Прошлое страстно глядится въ грядущее...

Трагическая кончина В. Д. Набокова, какъ это многіе почувствовали, стала поистинѣ явленіемъ общественнымъ. Она привлекла къ себѣ столь общее вниманіе, вызвала повсюду такое единодушное сожалѣніе, такое глубокое горе, что было ясно: ушелъ отъ насъ человѣкъ, объ утратѣ котораго скорбятъ всѣ, который для всего русскаго общества былъ безконечно нуженъ, дорогъ и незаменимъ. И тѣ, кто при жизни не всегда соглашался съ нимъ, и тѣ, кто съ нимъ неизмѣнно спорилъ, и тѣ, кто на него нападалъ, не говоря о единомышленникахъ и друзьяхъ, всѣ должны были признать, когда лишились его, что въ какомъ-то отношеніи онъ былъ яркимъ и прекраснымъ образцомъ. У гроба его сошлись правые и лѣвые, крайніе и умѣренные, люди разныхъ общественныхъ положеній и разныхъ духовныхъ настроеній. Иные, недавно чуждые ему, старались причислить его къ своимъ, обнаружить у него склонность стать ихъ единомышленникомъ, другіе, болѣе ему далекіе, отмѣчали благородство и чистоту его побужденій, его искреннюю и горячую любовь къ родинѣ, возвышенность его общественнаго служенія. Но то рѣдкое единодушіе, которое сказалось въ оцѣнкѣ его несравненныхъ личныхъ качествъ и общественныхъ заслугъ, не свидѣтельствуемъ ли о чемъ то иномъ, еще болѣе высококомъ? И то, что всѣ стремились воздать ему должное, не говоритъ ли о томъ, что покойный Владиміръ Дмитріевичъ въ общемъ представленіи занялъ нѣкоторое особое положеніе, болѣе выдающееся, чѣмъ положеніе члена какой либо одной общественной группы, какой либо отдѣльной опредѣленной организациі?

Въ нашу эпоху общей неясности и гнетущей неопредѣленности и мысль, и чувство наши уже не удовлетворяются старыми словами, старыми партійными лозунгами. Тѣ слова, отъ которыхъ недавно еще ждали спасенія, кажутся сейчасъ жалкими и скудными, ничего не говорящими нашему сердцу

и уму. Старовѣры справа и старовѣры слѣва одинаково представляются безпомощными, а ихъ иллюзіи, при всей искренности и напряженности ихъ субъективнаго переживанія, оказываются безсильными въ объективномъ ходѣ событій. Чувствуется, что нужны какія-то новыя мысли, что нужно „задѣть въ сердцѣ и совѣсти человѣка“ какія-то новыя струны, доселѣ въ немъ не звучавшія. Это сознаніе, которое я выражаю здѣсь словами самого В. Д. Набокова, и является тѣмъ высшимъ свѣтомъ, который такъ ярко освѣщаетъ послѣдніе годы его общественнаго служенія и такъ выдѣляетъ его среди другихъ.

Путь политическихъ и соціальныхъ притязаній, путь „завоеваній революціи“ пройденъ до конца. Эти притязанія и завоеванія, предъявленныя и осуществленныя въ отношеніи того цѣлаго, которое представляла собою историческая Россія, привели это цѣлое къ распаденію и умиранію. И когда нашъ ушедшій другъ созерцалъ этотъ процессъ гибели и смерти, въ которомъ были повинны и тѣ, кто любилъ Россію, но кто мнилъ создать ея благополучіе лишь на полнотѣ осуществленныхъ въ ней свободъ и завоеваній отдѣльныхъ лицъ и группъ, онъ тяжело скорбѣлъ объ ошибкахъ недавняго прошлаго и о длящихся иллюзіяхъ революціоннаго сознанія. Этимъ ошибкамъ и иллюзіямъ В. Д. Набоковъ противопоставляетъ свою новую мысль: „Россію надо не только любить, но и беречь“. Немногіе обратили должное вниманіе на эти слова, немногіе оцѣнили великій скрытый въ нихъ смыслъ. Но по существу тутъ заключалась цѣлая программа новаго политическаго сознанія, новаго отношенія къ задачѣ возрожденія Россіи. Для того, чтобы возстановить и воскресить Россію, надо перестать думать о своихъ притязаніяхъ и правахъ, надо вспомнить о своихъ обязанностяхъ. Углубляя и расширяя завоеванія революціи, не берегли Россіи, не думали о ней, какъ о живомъ цѣломъ. Надо научиться беречь это цѣлое въ его жизненныхъ основахъ, въ его животворящихъ истокахъ. Въ душѣ Владиміра Дмитріевича Набокова, несмотря на все ея тяготѣніе къ новому и грядущему, жило и непосредственное ощущеніе реальныхъ основъ государственнаго бытія. Въ его завѣтѣ беречь Россію заключалось также и требованіе бережно относиться къ тѣмъ созидательнымъ силамъ, которыя образуютъ живой организмъ государства. Но быть живымъ организ-

момъ, это значитъ также расти, измѣняться, совершенствоваться. И эту потребность роста и совершенствованія Владиміръ Дмитріевичъ ощущалъ съ меньшей силой и остротой. Когда онъ видѣлъ вокругъ себя жалкія попытки отвѣчать на безконечныя затрудненія нашего времени словами консервативной нетерпимости или революціоннаго легкомыслія, онъ съ прискорбіемъ указывалъ на эту „духовную нищету“. Онъ искалъ новыхъ словъ и не находилъ ихъ у тѣхъ, которые, несмотря на всѣ пережитыя Россіей испытанія, ищутъ выхода въ томъ, чтобы хранить чистоту революціоннаго сознанія и отождествлять государственный смыслъ съ уступками социализму и народничеству. Свободное пріятіе новой Россіи онъ сочеталъ съ уваженіемъ къ святынямъ русской жизни, а это уваженіе онъ соединялъ съ жаждой новыхъ формъ, въ которыхъ органическія основы прошлаго не отвергаются, а преобразуются.

Вотъ путь, по которому шелъ В. Д. Набоковъ. Иногда, и притомъ въ самые послѣдніе дни, и у него бывали минуты тяжкаго раздумья. Онъ ясно видѣлъ, что во всемъ, что еще недавно казалось великимъ и полнымъ значенія, разувѣрились, что нуженъ „какой-то новый подходъ“, и въ то же время съ грустью спрашивалъ: „или и это иллюзія, и все вообще погибаетъ въ гибнущей Россіи?“ Но въ этой постановкѣ вопроса основная мысль Владиміра Дмитріевича еще болѣе заостряется и углубляется: нужно что-то новое, нуженъ рѣшительный и коренной поворотъ нашего политическаго сознанія, нашего отношенія къ Россіи и, если бы его нельзя было найти, то и Россія погибла бы, и мы погибли бы. Но собственныя горячія исканія Владиміра Дмитріевича и его дѣйствительныя достиженія не служатъ ли намъ порукой, что именно на этомъ пути насъ ждетъ не гибель, а возрожденіе? Пусть же этотъ послѣдній его завѣтъ, послужитъ намъ незабвеннымъ поученіемъ на нашемъ безконечно трудномъ пути!

П. Новгородцевъ.